

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(1): 498-510
 DOI: 10.13187/bg.2025.1.498

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Ethnic Groups of Peasant Migrants in the Altai Okrug (based on the Materials of the 1917 All-Russian Agricultural and Land Census)

Viktor N. Razgon ^{a, *}, Dmitry N. Belyanin ^b, Anton V. Razgon ^c

^a Altai State University, Barnaul, Russian Federation

^b T.F. Gorbachev Kuzbass State Technical University, Kemerovo, Russian Federation

^c Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Abstract

The article, based on the analysis of the materials of the 1917 All-Russian agricultural census, characterizes the changes in the ethnic composition of migrant peasants and the specifics of the demographic, economic and social adaptation of migrants of different nationalities in the Altai okrug. It has been established that the demographic structure of migrant households was determined by differences in the cultural and family traditions of migrants of different ethnic groups and the needs of economic adaptation in a new habitat. The choice of land use form, specialization and scale of the agricultural production, the level of provision with draft cattle and agricultural equipment, the social stratification of migrant households were largely determined by national economic traditions and economic experience acquired in their previous place of residence. In terms of literacy, which characterizes one of the aspects of socio-cultural adaptation, adult migrants of all nationalities, except for the Mordvins, surpassed the old-timers, and children of migrants of those ethnic groups that were characterized by a higher level of adult literacy had a higher level of school enrollment.

Keywords: nationality, ethnic composition, migrants, peasantry, agriculture, household, adaptation, agricultural census, Siberia, Altai okrug.

1. Введение

Из-за наличия благоприятных для ведения сельского хозяйства почвенно-климатических условий Алтайский округ (до 1896 г. – Алтайский горный округ), имевший статус земельной вотчины действующего императора и состоявший в управлении Кабинета Его Императорского Величества, являлся одним из главных центров притяжения крестьян, переселявшихся за Урал из европейской части страны. Со времени официального разрешения переселения в Алтайский округ и до начала проведения Столыпинской аграрной реформы (1865–1905 гг.) на его территорию прибыло около 670 тыс. чел. (Силина, 2004: 10). После издания царского указа 19 сентября 1906 г. «О передаче земель Алтайского округа под переселенческие участки» по 1914 г. в нем водворилось еще около 735 тыс. мигрантов (Разгон и др., 2013: 69). Учитывая, что в Сибирь в целом с 1861 по 1914 г. переселилось 4,45 млн крестьян (Крестьянство..., 1983: 39, 182, 231), на Алтайский округ приходилось до трети всего миграционного потока.

Наряду с русским крестьянством в миграционном движении на Алтай активное участие принимали представители других этносов, проживавших в европейской части страны. Алтайский округ являлся также территорией с активным сальдо движения населения в рамках внутрисибирской миграции. На Алтай переселялись представители восточнославянских, финно-угорских, германских, тюркских народов. Их хозяйственная и социальная адаптация на территории округа во многом определялась характерными для того или иного этноса традициями и жизненным укладом. Изучение

* Corresponding author

E-mail addresses: vrazgon@rambler.ru (V.N. Razgon)

специфики адаптации крестьян-переселенцев, принадлежавших к разным этносам, является актуальной задачей исторической науки.

2. Материалы и методы

Основным источником для написания статьи послужила база данных «Крестьянские хозяйства Алтайской губернии в 1917 г.», составленная на основе подворных анкет Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 года и включающая сведения о 7,44 тыс. переселенческих семей (48,9 тыс. чел.), отобранных из общей совокупности анкет, сохранившихся в фонде Алтайской губернской земской управы Государственного архива Алтайского края (ф. 233), посредством случайной пятипроцентной выборки (*Крестьянские хозяйства...*, 2009). В анкетах переписи указывались этническая принадлежность крестьян-переселенцев и губерния, из которой семьи переселенцев прибывали в Сибирь («губерния выхода»). Наличие в переписных анкетах сведений о времени прибытия переселенцев в Сибирь позволяет проследить изменения в этническом составе переселенцев, происходившие на разных этапах развития миграционного движения. Поскольку программа переписи предусматривала сбор сведений о половозрастном составе и экономическом положении крестьянских домохозяйств, использование ее материалов позволяет провести сравнительное исследование демографической структуры и уровня экономической состоятельности переселенческих домохозяйств, принадлежащих к разным этническим группам.

Методы компьютеризованного статистического анализа использовались для определения численного состава и половозрастной структуры переселенческих домохозяйств, установления соотношения между видами землепользования, выявления уровня обеспеченности рабочим скотом и инвентарем, характера социального расслоения, уровня грамотности крестьян-переселенцев, принадлежавших к различным этническим группам. Для выявления специфики демографической структуры и хозяйственной деятельности крестьян-переселенцев различной этнической принадлежности, отражавшей особенности их приспособления к условиям хозяйствования в новой природно-географической среде обитания, применялся историко-сравнительный метод. Метод периодизации использовался для установления изменений в национальном составе мигрантов, прибывавших в Алтайских округ на разных этапах его колонизационного освоения.

3. Обсуждение

В советской историографии вопрос об участии различных этнических групп переселенцев в колонизационном освоении Сибири не выделялся в качестве предмета специального исследования. Исключением можно считать статьи Л.В. Малиновского (*Малиновский, 1980*) и Э.В. Кригера (*Кригер, 1990*), посвященные роли немецких крестьян-переселенцев в хозяйственном и социокультурном освоении азиатской части Российской империи.

С 1990-х годов проблематика исследований, посвященных участию переселенцев различных этнических групп в освоении Сибири и Алтая, значительно расширилась. Предметом исследования как в российской, так и зарубежной историографии становится изучение специфики хозяйственной и социокультурной адаптации в Северной Азии крестьян-переселенцев различной этнической принадлежности: русских (*Липинская, 1996; Шелегина, 2001–2002*), немцев (*Deutsche...*, 1997; *Вибе, 2008; Шайдуров, 2008*), украинцев (*Липин, 1999; Октябрьская и др., 2015; Shaidurov, 2016; Шайдуров, 2017*), мордвы (*Овчарова 2010*), поляков (*Масяж, 2002; Чернова, 2014; Островский, 2016; Леончук, 2017; Крих, Мулина, 2020*), латышей (*Коровушкин, 2008; Лоткин, 2009*), эстонцев (*Коровушкин, 2008; Баранцева, 2008*), казахов (*Октябрьская, 2019*) и др. Для изучения участия представителей различных этносов в освоении сибирского региона историками используются и данные всероссийских переписей населения. Особенно плодотворно для изучения межэтнического разделения труда в экономике дореволюционной Сибири применялись материалы Всероссийской переписи населения 1897 г. (*Карих, 2004; Зиновьев, 2024*). Однако первичные материалы Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. еще не использовались (за исключением работы В.Н. Шайдурова о немецких переселенцах на Алтае (*Шайдуров, 2002*)) в качестве источника для исследования этнического состава переселенцев и специфики хозяйственной и социальной адаптации в Сибири крестьян-переселенцев различных национальностей.

4. Результаты

В *Таблице 1* представлены изменения в этническом составе переселенцев, водворявшихся в Алтайском округе на протяжении второй половины XIX – начала XX в. В ней выделяются три основных этапа в развитии переселений в соответствии с изменениями, происходившими в переселенческой политике царского правительства. Первый этап переселенческого движения в Алтайский округ (1865–1889 гг.) охватывает промежуток от начала открытия его территории для переселения крестьян из других регионов страны до принятия закона от 13 июня 1889 г., положившего начало переходу к политике поощрения сельскохозяйственных миграций со стороны царского правительства, выразившейся в облегчении для переселенцев выхода из общин на местах прежнего жительства, предоставлении возможности получения денежных ссуд (пусть и в

ограниченном размере) и льгот по налоговым платежам. Второй из выделяемых в таблице этапов (1890–1906 гг.) характеризуется значительным расширением масштабов переселений, вызванных действием закона 1889 г. и мерами по содействию переселению крестьян в Сибирь со стороны Комитета Сибирской железной дороги (1892–1905 гг.). В отдельный этап выделены переселения времени столыпинских реформ, характеризующиеся принятием беспрецедентных для имперского периода российской истории мер государственной поддержки крестьянских миграций. Из рассмотрения исключены данные о переселенцах периода Первой мировой войны, когда значительную часть миграционного потока составляли не аграрные переселенцы, а беженцы и другие категории вынужденных мигрантов.

Таблица 1. Этническая принадлежность переселенцев, водворявшихся в Алтайском округе с 1865 по 1914 г. (подсчитано по: [Крестьянские хозяйства..., 2009](#))

Этническая принадлежность	Основные этапы водворения переселенцев, домохозяйств, %			
	1865–1889 гг.	1890–1906 гг.	1907–1914 гг.	Всего
Русские	91,82	70,45	59,44	70,01
Украинцы	6,06	25,70	33,36	25,17
Мордва	0,99	1,67	1,01	1,29
Немцы	0	0,37	2,50	1,13
Белорусы	0	0,54	1,40	0,78
Эстонцы	0	0,14	0,20	0,14
Поляки	0,07	0,12	0,06	0,08
Зыряне	0,07	0,14	0	0,08
Литовцы	0	0,06	0,03	0,04
Латыши	0	0	0,03	0,01
Чуваши	0	0,06	0	0,02
Вотяки	0	0	0,03	0,01
Татары	0,07	0,06	0,16	0,10
Болгары	0	0	0,03	0,01
Чехи	0	0	0,03	0,01
Казахи	0,14	0,06	0,78	0,35
Калмыки	0	0,03	0,03	0,01
Коми-пермяки	0	0	0,03	0,01
Не указ.	0,78	0,60	0,88	0,74
Всего:	100	100	100	100

Сравнительный анализ данных, представленных в [Таблице 1](#), показывает, что в рамках каждого из выделенных этапов переселенческого движения русские крестьяне составляли основную часть прибывавших на территорию Алтайского округа мигрантов, но их удельный вес в общей численности переселенцев со временем снижался: если в 1865–1889 гг. они составляли 91,8 % от общего числа мигрантов, то в 1890–1906 гг. их доля в миграционном потоке сократилась до 70,5 %, а в период переселений, происходивших в рамках проведения столыпинских реформ, еще больше – до 59,4 %. Сокращение доли русских крестьян отражало активное включение в переселенческое движение в восточные регионы представителей других этносов многонациональной Российской империи, вызванное ростом населения в европейской части страны и связанным с ним сокращением земельных наделов, а также расширением практики предоставления государственных субсидий и льгот для переселенцев. Со временем миграционное движение в Алтайский округ становилось все более многонациональным: на первом этапе в нем участвовали представители 7 этносов, на втором – 13, а в ходе массовых миграций периода столыпинских реформ – 16 национальностей.

С ростом малоземелья в районах исторического проживания в переселенческое движение в Сибирь включалось крестьянство еще двух этносов, представлявших, как и русские, славянское население Российской империи – украинцы и белорусы. Если в рамках первого из выделенных этапов (1865–1889 гг.) украинские крестьяне-переселенцы, прибывавшие на Алтай из губерний Малороссии и Новороссии, а также соседних с ними уездов центрально-черноземных губерний, составляли лишь 6% от всех мигрантов, то на втором этапе (1890–1906 гг.) их доля в общем составе водворявшихся в округе переселенцев возросла до 25,7 %, а на третьем (1907–1914 гг.) – на украинцев приходилось уже до трети всего миграционного притока. Участие белорусских крестьян в миграционном процессе со временем также расширялось, но в целом их доля в составе переселенцев в Алтайский округ была гораздо менее заметной: на первом из выделяемых этапов они вообще не принимали участия в переселениях, на втором этапе белорусы составляли 0,5 % от общего числа переселенцев, а основная

масса мигрантов этой национальности прибыла на территорию округа во время «стольпинских» переселений, когда их доля в общем притоке крестьян-переселенцев увеличилась до 1,4 %.

Третью по численности этническую группу мигрантов (после русских и украинцев) составляла мордва, принадлежавшая к группе финно-угорских народов и переселявшаяся в Алтайский округ из районов своего исторического проживания (Пензенской, Симбирской, Самарской, Тамбовской, Пермской и Оренбургской губерний). Среди переселенческих домохозяйств, учтенных при проведении сельскохозяйственной переписи 1917 г. в Алтайском округе, мордовских насчитывалось 1,3 %. Миграция представителей этого этноса в Алтайский округ началась в 1860-е гг., а особенно активный приток мордвы на его территорию приходится на второй из выделенных в таблице этапов (1889–1906 гг.), в рамках которого на Алтай прибыло 56,3 % всех учтенных переписью мордовских крестьян-переселенцев.

В ходе аграрной миграции на Алтай переселялись также представители проживавших в западных регионах страны европейских (немцы, поляки) и прибалтийских (эстонцы, латыши, литовцы) народов, из северных регионов Европейской России – зыряне, коми-пермяки, вотяки (удмурты). Из названных этнических групп переселенцев отдельно следует выделить немецких крестьян, переселявшихся на Алтай из этнических колоний Новороссии и Поволжья: они составляли четвертую по численности национальную группу переселенцев (после русских, украинцев и мордвы), насчитывавшую к 1917 г. 43 тыс. чел. (Шайдунов, 2008: 59).

Своими почвенно-климатическими условиями Алтай привлекал и этнических переселенцев, прибывавших на его территорию в рамках миграции, ограниченной Урало-Сибирским регионом – татар, переселявшихся из Уфимской губернии и Семипалатинской области, и казахов, перебивавшихся в основном из соседней Семипалатинской области, для которых переселение было сопряжено с переходом на оседлый образ жизни и обращением к сельскохозяйственным занятиям (посевы были зафиксированы в ходе переписи у 82 % казахских домохозяйств, поселившихся в округе (подсчитано по: Крестьянские хозяйства..., 2009)).

Анализ представленных в Таблице 2 данных, характеризующих демографическую структуру переселенческих домохозяйств, показывает, что людность домохозяйств определялась различиями в культурно-семейных традициях мигрантов различных этнических групп и задачами хозяйственной адаптации. Наибольшие показатели средней людности имели домохозяйства русских, украинских, эстонских и мордовских крестьян-мигрантов, в большей степени, чем домохозяйства переселенцев других национальных групп, сохранившие уклад традиционных патриархальных семей. Ряд этнических групп переселенцев из западных регионов империи (поляки, литовцы, белорусы), у которых семейные отношения в большей степени продвинулись от патриархальности к модерну, имели более низкие показатели людности семей. Самые малочисленные домохозяйства были зафиксированы в ходе переписи у татар и казахов, переселявшихся в Алтайский округ из соседних регионов и в значительной мере представленных домохозяевами-одиночками (так, у казахов они составляли 14,3 % при среднем показателе по всем переселенческим домохозяйствам в менее, чем 2 % (подсчитано по: Крестьянские хозяйства..., 2009)) и семьями сыновей, выделявшихся их патриархальных отцовских семейств.

Таблица 2. Демографическая структура домохозяйств переселенцев различной этнической принадлежности в Алтайском округе в 1917 г. (подсчитано по: Крестьянские хозяйства..., 2009)

Показатели	Русские	Украинцы	Белорусы	Мордва	Немцы	Эстонцы	Поляки	Литовцы	Зыряне	Татары	Казахи	Старожилы
Средняя людность домохозяйств	6,7	6,5	5,7	6,0	6,3	6,2	5,8	5,0	5,3	4,8	4,3	5,9
Мужчин, %	50,98	51,63	53,95	47,07	50,26	50,0	57,14	46,67	62,5	55,26	63,64	49,96
Женщин, %	49,02	48,37	46,05	52,93	49,74	50,0	42,86	53,33	37,5	44,74	36,36	50,04
Возрастные группы, в %												
До 12 лет	32,84	34,01	25,92	29,24	37,44	23,53	28,57	33,33	28,13	23,68	21,19	33,08
12–15 лет	10,99	11,12	11,93	13,52	10,92	11,76	14,28	0	12,5	10,53	3,38	9,98
16–60 лет	51,20	50,59	56,90	53,95	49,22	60,29	57,14	60,0	53,12	60,52	70,33	51,69
Старше 60 лет	4,95	4,27	3,66	4,87	2,43	0	4,41	6,67	6,25	5,26	5,08	5,25

Домохозяйствам крестьян-мигрантов для успешного хозяйственного обустройства в новых местах поселения, трудоемких работ, связанных с распашкой целинных земель, выделяемых им в наделное пользование, нужны были трудоспособные работники, преимущественно мужского пола. Уже отмечаемое нами в других работах общее преобладание в составе переселенцев мужского населения над женским (см.: Razgon et al., 2023: 486) прослеживается во всех этнических группах мигрантов Алтайского округа, кроме мордвы и литовцев, тогда как у старожильского населения это соотношение было примерно равным и даже с чуть заметным перевесом в пользу женщин (Таблица 2). Для состава домохозяйств мигрантов практически всех этнических групп был характерен более низкий, по сравнению со старожильскими, удельный вес членов семьи в возрасте старше 60 лет, а для некоторых национальностей – детей (до 12 лет). Переселенческие домохозяйства с более высокой долей трудоспособных в своем составе имели больше возможностей для успешного хозяйственного обустройства на новом месте жительства. Вместе с тем демографическая структура домохозяйств мигрантов большинства национальных групп, в сравнении со старожилами, отличалась повышенной долей в их составе детей подросткового возраста (12–15 лет) (см. Таблицу 2), в чем можно усмотреть стремление переселявшихся в Сибирь крестьян иметь в неотдаленном будущем молодых семейных работников, требовавшихся для успешной хозяйственной адаптации.

Таблица 3. Соотношение форм землепользования у крестьян-переселенцев различных этнических групп в Алтайском округе в 1917 г., в % от общей площади наделной земли (подсчитано по: Крестьянские хозяйства..., 2009)

Формы землепользования, в % от общей площади наделной земли	Национальность											Старожилы
	Русские	Украинцы	Белорусы	Мордва	Немцы	Эстонцы	Литовцы	Поляки	Зыряне	Татары	Казахи	
Общинное	83,7	63,3	53,7	68,9	31,1	78,9	4,5	53,1	91,1	32,1	0	89,5
Подворно-наследственное, в том числе:	16,3	36,3	46,3	31,9	68,9	21,1	95,5	46,9	8,9	67,9	100	10,5
отрубное	76,5	90,5	86,7	92,8	90,2	70,2	0	0	100	61,6	88,3	82,2
хуторское	0,9	0,7	0	5,9	0,2	29,8	100	0	0	0	0	2,4
чересполосное	22,6	8,8	13,3	1,3	9,6	0	0	100	0	38,4	11,7	15,4
Единоличное	0,002	0,4	0	0,006	0	0	0	0	0	0	0	0

Как следует из данных Таблицы 3, в которой отражено соотношение между формами землепользования у переселенцев различной этнической принадлежности, пользование землей на общинных принципах наибольшее распространение получило у русских переселенцев (на него приходилось 83,7 % от общей площади наделного землепользования этой этнической группы), зырян (91,1 %) и мордвы (68,9 %), переселявшихся в Алтайский округ из регионов европейской части страны, в которых доминировало общинное землепользование (центрально-черноземные, приуральские и поволжские губернии), а подворно-наследственное пользование землей – у литовцев (95,5 %), немцев (68,9 %), поляков (46,9 %), белорусов (46,3 %), украинцев (36,3 %), прибывавших на Алтай из регионов с исторически сложившимся преобладанием подворного землепользования (Белоруссии, Украины, Прибалтики, Польши). Исключительно в подворное пользование укрепляли получаемые на территории округа земельные наделы переселявшиеся из Семипалатинской области казахи, подворно-наследственное землепользование было преобладающим и у мигрировавших в округ татар.

При этом немецкие и литовские крестьяне-переселенцы, а также татары и казахи на условиях подворно-наследственного распоряжения использовали более половины своих наделных земель, а у мигрантов остальных национальных групп преобладало общинное землепользование. Многие прибывавшие из европейской части страны переселенцы на Алтае, вопреки прежнему опыту землепользования, переходили от подворно-наследственного к общинному пользованию землей: если в Белоруссии и Украине доля подворного землепользования составляла 3/4 от общей площади наделных земель (Дубровский, 1973: 106), а в прибалтийских губерниях общинное землепользование вообще не получило распространения, то в Алтайском округе переселенцы-белорусы использовали на правах общинного пользования 53,7 % своих наделных земель, украинцы – 63,3 %, эстонцы – 78,9 % (Таблица 3). Выбор общинной формы землепользования для многих крестьян-мигрантов мог определяться их неудовлетворенностью качеством полученных в наделное пользование земельных угодий и надеждой на его улучшение в результате нового передела земли (из 447 переселенческих общин, обследованных в Сибири в 1912 г., 208 (46,5 %) провели общие переделы земли, а 40 (9 %) – частичные (Крестьянство..., 1983: 235)). Укрепление земельных наделов в отрубное и хуторское

пользование сдерживалось также нехваткой финансовых ресурсов, специалистов-землемеров и технических средств для его проведения. Помимо регулирования земельных отношений, община предоставляла переселенцам возможность объединения трудовых усилий и материальных ресурсов для совместного возведения социальных и бытовых объектов (колодцев, дорог, школ, церквей и пр.) в местах нового поселения, что облегчало трудности приспособления к новой природной и социальной среде обитания.

В наименьшей степени влияние порядка землепользования, сложившегося в местах выхода переселенцев, на организацию пользования наделной землей на территории Алтайского округа прослеживается у эстонских крестьян-переселенцев: если на родине господствующей формой их землепользования была подворно-хуторская, то на Алтае почти 4/5 всех наделных земель использовалось ими на общинных принципах (Таблица 3). Помимо указанных выше причин, это можно объяснить тем, что, в отличие от таежных районов Западной и Центральной Сибири, куда в начале XX века правительство стремилось направить переселенцев из Прибалтики и где основная часть наделных земель нарезалась в виде привычных для прибалтийских крестьян участков хуторского типа, на Алтае они расселялись преимущественно в переселенческих поселках, основывая локальные моноэтнические поселения, или приселялись в уже существующие населенные пункты со смешанным многонациональным населением (Коровушкин, 2008: 151-152, 155-156).

Вместе с тем часть эстонских крестьян-переселенцев сохранила приверженность хуторской форме землепользования и на Алтае: на долю хуторов в общем землепользовании эстонских переселенцев приходилось 6,3 %, а в общей площади подворно-наследственного землепользования этой национальной группы мигрантов они занимали 30 % (подсчитано по: Крестьянские хозяйства..., 2009). Хуторская форма землепользования занимала доминирующее положение в землепользовании переселившихся на Алтай литовцев: на нее приходилось 95,5 % общей площади наделной земли и 100% наделной земли, укрепленной в подворно-наследственное пользование (Таблица 3). Но в целом среди водворившихся на Алтае мигрантов других национальностей, не имевших опыта хуторского проживания на родине, политика по привлечению переселенцев на хутора (хуторянам выделялась специальная ссудная помощь), не имела успеха: хуторская форма землепользования в ходе переписи у них не была зафиксирована вообще или ее удельный вес не превышал 1 % (кроме мордвы – 5,9 %) (см. Таблицу 3).

За исключением литовцев, основной формой подворно-наследственного пользования наделной землей у переселенцев других национальностей была отрубная, не предусматривавшая проживания вне поселков и сел. Абсолютное большинство переселенцев, прибывавших в Алтайский округ, могли удовлетворять свой спрос на землю без выхода на хутора. На хуторах семьям крестьян-переселенцев было сложно организовать эффективное хозяйство и налаживать быт из-за отдаленности социальных объектов, отсутствия дорог и пр.

В целом землепользование переселенцев в большей степени, чем старожильческого населения округа, оказалось затронуто модернизационными преобразованиями, проводившимися в рамках Столыпинской аграрной реформы и направленными на распространение индивидуального пользования землей за счет сокращения общинного: как видно из данных таблицы 3, у переселенцев всех национальностей (кроме зырян) доля подворно-наследственного пользования землей, зафиксированная сельскохозяйственной переписью 1917 г., была больше, чем у алтайских крестьян-старожилов, в своем абсолютном большинстве сохранявших приверженность традиционным общинным порядкам.

Сравнительный анализ представленных в Таблице 4 основных показателей экономического состояния домохозяйств крестьян-переселенцев различных национальностей, поселившихся в Алтайском округе в результате миграции из европейской части страны, показывает, что их производственная специализация, объемы производства, уровень оснащенности сельхозинвентарем во многом определялись приобретенным в местах прежнего проживания экономическим опытом. Так, русские и украинские крестьяне-переселенцы воспроизводили на Алтае структуру производства, отражающую выработанный на родине и обусловленный почвенно-климатическими условиями и ограниченностью имевшихся в их распоряжении земельных ресурсов, смешанный тип ведения сельского хозяйства, ориентированный на сбалансированное сочетание занятий земледелием и скотоводством. Схожая отраслевая структура производства сельскохозяйственной продукции, но с относительно более низкими средними показателями, чем у русских и украинских переселенцев, была характерна и для домохозяйств селившейся в Алтайском округе мордвы.

Прибалтийские, польские и белорусские крестьяне на Алтае так же, как и на родине, направляли основные трудовые усилия и материальные ресурсы на производство животноводческой продукции, увеличение выработки которой в начале XX века стимулировалось ускоренным развитием сибирского маслоделия, вызванным расширением спроса на сибирское масло на мировых рынках. Прибывавшие из колоний Новороссии и Поволжья немецкие крестьяне-переселенцы специализировались на производстве зерновой продукции, в основном яровой пшеницы. Этому во многом способствовало их поселение на переселенческих участках, отводимых в степной полосе Алтайского округа (в Кулундинской степи). По среднему размеру посева на одно домохозяйство и

одного работника немецкие переселенцы превосходили мигрантов всех других национальных групп, в том числе русских – почти в 2 раза, а украинцев – в 1,5 раза (см. [Таблицу 4](#)).

Таблица 4. Обеспеченность домохозяйств переселенцев различных национальностей в Алтайском округе посевами, скотом и сельхозинвентарем в 1917 г. (подсчитано по: [Крестьянские хозяйства..., 2009](#))

	Русские	Украинцы	Белорусы	Немцы	Польки	Эстонцы	Мордва	Зыряне
Посев, в дес.:								
на одно домохозяйство	8,12	10,17	8,43	15,82	9,63	7,34	6,58	1,82
на одного работника	3,30	4,42	3,65	6,87	4,87	2,60	2,88	0,84
Доля домохозяйств, в %:								
без посева	9,17	5,28	11,29	7,61	0	0	8,08	50,0
с посевом до 4 дес.	27,86	20,33	17,74	10,87	50,00	54,55	37,37	33,33
с посевом от 4 до 12 дес.	40,35	45,04	48,39	28,26	33,33	18,18	41,42	16,67
с посевом от 12 до 25 дес.	17,77	22,20	17,74	31,52	0	27,27	9,09	0
с посевом более 25 дес.	4,85	7,15	4,84	21,74	16,67	0	4,04	0
Голов КРС:								
на одно домохозяйство	5,16	5,11	5,45	4,54	8,17	12,73	4,37	3,67
на одного работника	2,10	2,22	2,78	1,97	4,08	4,52	1,92	1,69
Коров на одно домохоз-во	2,70	2,45	2,92	2,16	4,00	6,73	2,33	1,5
Доля домохозяйств, в %:								
бескоровных	9,88	8,58	14,52	9,78	0	0	12,12	33,33
с 1-2 коровами	49,81	54,42	38,71	58,70	50,00	18,18	50,51	33,33
с 3-5 коровами	29,79	30,19	35,48	26,09	16,67	36,36	29,29	33,33
с 6 и более коровами	10,52	6,81	11,29	5,43	33,33	45,45	8,08	0
Голов рабочего скота:								
на одно домохозяйство	3,20	3,05	2,89	3,12	2,83	3,18	2,83	1,5
на одного работника	1,30	1,32	1,25	1,35	1,42	1,13	1,24	0,69
на десятину посева	0,39	0,30	0,34	0,20	0,29	0,43	0,43	0,83
Пропашных орудий, шт.:								
на одно домохозяйство	0,79	1,01	0,89	1,07	0,66	1,0	0,57	0,5
на одного работника	0,32	0,44	0,38	0,46	0,33	0,35	0,25	0,23
на 10 дес. посева	0,98	0,99	1,05	0,68	0,69	1,36	0,87	2,75
доля сох в пропашных орудиях, %	8,74	0,44	0	0	0	0	7,08	33,3
доля буккеров в пропашных орудиях, %	3,02	9,51	1,82	22,34	0	0	0	0
Усовершенствованных с/х орудий, шт.:								
на одно домохозяйство	0,92	1,17	0,98	1,33	1,00	1,36	0,79	0
на одного работника	0,38	0,51	0,42	0,58	0,50	0,48	0,34	0
на 10 дес. посева	1,14	1,15	1,16	0,84	1,04	1,86	1,20	0
доля домохозяйств без усовершенствованного сельхозинвентаря, %	61,87	52,00	56,45	45,65	66,66	54,55	66,66	100

В [Таблице 4](#) представлены также данные, характеризующие капиталовооруженность и фондооснащенность домохозяйств переселенцев разных этнических групп. Их сравнительный анализ показывает, что наиболее высокими показателями уровня энерговооруженности производства (количество голов рабочего скота на одного работника) отличались хозяйства немецких и польских крестьян-переселенцев. Вместе с тем домохозяйства переселенцев этих этнических групп демонстрируют и показатели более эффективного использования рабочего скота (голов рабочего скота в расчете на десятину посева). Немецкие крестьяне-переселенцы в расчете на голову имеющегося в домохозяйстве рабочего скота возделывали земли в два раза больше, чем русские, и в полтора раза больше, чем украинцы. У польских крестьян соответствующий показатель, характеризующий эффективность использования рабочего скота в земледельческих работах, был в

полтора раза больше, чем у русских, и примерно равен соответствующему показателю украинских домохозяйств. При том, что они в более широких масштабах, чем русские и украинские крестьяне-переселенцы, использовали рабочий скот для заготовки кормов и других работ в животноводстве, так как по количеству голов крупного рогатого скота в расчете на одно хозяйство и одного работника превосходили все другие этнические группы переселенцев, кроме эстонцев.

Эффективность использования рабочего скота в сельскохозяйственных работах повышалась за счет применения более совершенных и производительных орудий вспашки: многолемешных плугов и буккеров. Как видно из [Таблицы 4](#), доля наиболее производительных для того времени пропашных орудий – буккеров – в общем количестве используемого немецкими переселенцами пропашного инвентаря достигала 22,3 %, тогда как в домохозяйствах переселенцев других этнических групп она была значительно ниже: украинцев – 9,5 %, русских – 3 %, белорусов – 1,8 %, а мигрантами других национальных групп данный вид пропашных орудий вообще не применялся. Остальная часть пахотной земли распахивалась немецкими колонистами железными плугами, в том числе многолемешными. В арсенале используемого ими пахотного инвентаря вообще отсутствовали наиболее примитивные орудия вспашки – сохи, тогда как у русских переселенцев они составляли 8,7 %, мордвы – 7,1 %, а самый низкий уровень технической оснащенности пахотных работ имели переселенцы-зыряне (у них на сохи приходилась треть пропашного инвентаря), чьи сельскохозяйственные занятия характеризовались использованием традиционных орудий вспашки и на родине ([Сорокин, 2011: 72-73](#)).

Немецкие крестьяне-переселенцы в более широких масштабах, чем мигранты других этнических групп, применяли не только буккера, но и сложный сельхозинвентарь, используемый при уборке урожая – жнейки, молотилки, веялки и др. В целом оснащенность сельскохозяйственных работ усовершенствованным инвентарем в среднем на одно хозяйство у них была выше в 1,4 раза, чем у русских переселенцев, и в 1,14 раза, чем у украинских крестьян, а в расчете на одного работника – соответственно в 1,5 и 1,14 раза ([Таблица 4](#)). Близкий к показателям немецких домохозяйств уровень обеспеченности усовершенствованными сельхозорудиями имели домохозяйства эстонских крестьян, но у них они были представлены в большей степени инвентарем, применявшимся для заготовки кормов для животноводства, являвшегося основным хозяйственным занятием: косилки и конные грабли составляли у эстонцев более половины (53,3 %) всего используемого усовершенствованного сельхозинвентаря, тогда как у немцев лишь 18 %, а остальное приходилось на орудия и машины, используемые в сельскохозяйственных работах (подсчитано по: [Крестьянские хозяйства..., 2009](#)).

Исходный уровень состоятельности и прежний опыт хозяйственной деятельности во многом определял и зафиксированные переписью экономические показатели, характеризующие особенности социального расслоения крестьян-переселенцев разных этносов. Так, немецкие семьи, переселявшиеся в Томскую губернию, привозили с собой в среднем 280 руб., тогда как основная масса переселенцев имели на семью не более 100 руб., вырученных от продажи земли и имущества в прежних местах проживания ([Шайдуров, 2008: 60](#)). Это способствовало их более успешной, по сравнению с переселенцами других национальностей, хозяйственной адаптации на новом месте жительства. Практически по всем средним показателям сельскохозяйственного производства, учтенным в [Таблице 4](#) (размер посева, обеспеченность рабочим скотом и усовершенствованным сельхозинвентарем), немецкие переселенцы превосходили другие этнические группы крестьян-мигрантов. Социальное расслоение переселенцев этой национальности характеризовалось самой низкой долей в их составе беспосевных и малопосевных (до 4 дес.) домохозяйств и значительно большим, чем у мигрантов других этнических групп, удельным весом зажиточных хозяйств (с посевом более 12 дес.) – 53,3 %, что было в 1,8 раза больше, чем у украинских крестьян, в 2,3 раза – чем у русских и белорусских, в 4 раза – чем у мордовских крестьян-переселенцев. Посевы размером в 25 и более десятин имели 21,7 % всех немецких домохозяйств, тогда как в составе переселенцев других этнических групп доля этой категории домохозяйств была существенно ниже и колебалась в пределах от 4 % (мордва) до 16,7 % (поляки), а у эстонцев и зырян домохозяйств с таким посевом не было зафиксировано вообще.

Влияние опыта хозяйствования на прежнем месте жительства на содержание и масштабы хозяйственной деятельности в Алтайском округе на примере немецких переселенцев выразилось в том, что мигранты, переселявшиеся на Алтай из немецких колоний Новороссии, часть из которых имела опыт хозяйствования на крупных земельных участках (расширяемых за счет аренды), демонстрировали более впечатляющие показатели хозяйственной адаптации на новом месте жительства, чем немецкие переселенцы – выходцы из поволжских губерний, среди которых было относительно больше малоземельных крестьян. Так, средний посев, учтенный в ходе сельскохозяйственной переписи 1917 г., составил у поволжских немцев 16,1 дес., а у немцев, переселившихся из губерний Новороссии, – 18,0 дес. на одно домохозяйство. Превосходили выходцы из немецких колоний Новороссии переселенцы из Поволжья и по уровню технической оснащенности сельскохозяйственных занятий: в среднем на одно домохозяйство у них приходилось 1,6 единиц сложного сельхозинвентаря, а у поволжских немцев – 1,3, т. е. в 1,3 раза меньше (подсчитано по: [Крестьянские хозяйства..., 2009](#)).

При группировке домохозяйств по количеству коров наиболее высокий показатель доли зажиточных хозяйств обнаруживается среди эстонских и польских крестьян-переселенцев, что отражает их специализацию на производстве продукции животноводства (см. [Таблицу 4](#)).

Первичные материалы Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г. могут использоваться и для выявления специфики социокультурной адаптации крестьян-переселенцев различных национальностей, в частности, уровня грамотности.

Как следует из данных [Таблицы 5](#), во всех этнических группах крестьян-переселенцев, прибывших в Алтайский округ из европейской части страны (за исключением мордвы), доля грамотных среди взрослого населения была больше, чем у старожилов, что отражало более высокий уровень развития школьного образования в Европейской России, по сравнению с азиатской частью Российской империи, так как часть взрослых переселенцев, учтенных при проведении переписи 1917 г., обучалась грамоте на родине. Самым высоким уровнем грамотности отличались этнические переселенцы из регионов с наиболее развитой сетью сельских школьных заведений – западных регионов империи (поляки, эстонцы), а также выходцы из немецких колоний Новороссии и Поволжья. Массовый приток переселенцев в Алтайский округ в целом способствовал повышению общего уровня грамотности населения региона.

Таблица 5. Грамотность крестьян-переселенцев различной этнической принадлежности в Алтайском округе в 1917 г. (подсчитано по: [Крестьянские хозяйства..., 2009](#))

Категории населения по возрасту и грамотности	Национальная принадлежность переселенцев								Старожилы
	Русские	Украинцы	Белорусы	Мордва	Немцы	Эстонцы	Поляки	Зыряне	
Взрослые, среди них:									
грамотные	26,5	31,4	32,5	18,0	63,4	79,1	38,9	23,5	19,4
неграмотные	73,5	68,6	67,6	82,0	36,6	20,9	61,1	76,5	81,6
Доля учащихся среди детей школьного возраста (8–14 лет)	13,7	13,5	12,5	11,4	36,4	22,2	33,3	40,0	13,9

Из-за медленного формирования сети школьных заведений в переселенческих районах доля учащихся среди детей школьного возраста в наиболее многочисленных этнических группах мигрантов (русские, украинцы, мордва, белорусы) была несколько меньше, чем у крестьян-старожилов. Охват начальным образованием детей переселенцев этих национальностей сокращался и по сравнению с местом прежнего проживания, так как в целом по Российской империи в сельской местности в 1914 году было охвачено школьным обучением 28,3 % детей школьного возраста ([Бодрунов, 2017: 195](#)).

Самый высокий удельный вес учащихся среди детей школьного возраста при проведении переписи был зафиксирован в тех этнических группах переселенцев, которые отличались и наибольшим уровнем грамотности взрослого населения – немцев, поляков, эстонцев. Помимо сформировавшихся представлений о ценности образования и обучения детей, свою роль в этом сыграл и фактор более успешной хозяйственной адаптации переселенцев этих этнических групп, дававшей им возможность выделять больше средств на удовлетворение культурных потребностей, в том числе строительство школ, оплату учителей и пр.

5. Заключение

Аграрная миграция в Алтайский округ на протяжении второй половины XIX – начала XX в. приобретала все более многонациональный характер: при относительном сокращении в переселенческом потоке доли, приходящейся на русских крестьян-переселенцев, расширялось участие крестьянства других этносов.

Демографический состав переселенческих домохозяйств определялся национальными культурно-семейными традициями и потребностями адаптации в новой природно-климатической и социокультурной среде обитания. Несмотря на различие в показателях плотности, для домохозяйств переселенцев практически всех национальностей были характерны численное преобладание мужского над женским населением, более высокая, чем у старожилов, доля лиц работоспособного возраста, а также детей подросткового возраста, рассматриваемых как резерв рабочей силы, необходимой для проведения трудозатратных работ по освоению целинных земель, строительству жилья, хозяйственных помещений и объектов социально-бытовой инфраструктуры в местах поселения.

Выбор переселенцами форм землепользования во многом определялся их предшествующей практикой пользования наделной землей на родине. Хотя ряд национальных групп крестьян-мигрантов, переселившись на Алтай, расширили практику использования общинного землепользования, в целом их землепользование было в большей степени затронуто модернизационными преобразованиями, проводившимися в рамках реализации Столыпинской земельной реформы: доля наделных земель, укрепленных в подворно-наследственное пользование, у переселенцев всех национальных групп (кроме зырян) была выше, чем у крестьян-старожилов.

Отраслевая структура, масштабы и техническая оснащенность производственной деятельности переселенческих домохозяйств в Алтайском округе во многом определялись экономическим опытом, приобретенным в местах прежнего проживания. Наибольшие успехи в хозяйственной адаптации демонстрировали немцы-переселенцы из губерний Новороссии, имевшие предшествующий опыт ведения хозяйства на крупных земельных участках.

По уровню грамотности, характеризующему один из аспектов социокультурной адаптации, прибывавшие из европейской части страны взрослые переселенцы всех национальностей, кроме мордвы, превосходили старожилов, что отражало более широкое распространение начального образования в Европейской России по сравнению с азиатской частью империи. Наиболее высокая степень охвата школьным обучением была характерна для детей переселенцев тех этнических групп, которые отличались повышенным уровнем грамотности взрослого населения.

Литература

Баранцева, 2008 – Баранцева Н.А. Этносоциальные процессы среди эстонского населения юга Средней Сибири во второй половине XIX – первой трети XX в. // *Проблемы истории, филологии, культуры*. 2008. Вып. 22. С. 514-524.

Бодрунов, 2017 – Бодрунов С.Д. Великая русская революция 1905–1917 годов: уроки для современной России // *Научные труды Вольного экономического общества России*. 2017. Т. 204. № 2. С. 192-202.

Вибе, 2007 – Вибе П.П. Немецкие колонии в Сибири: социально-экономический аспект. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2007. 368 с.

Дубровский, 1973 – Дубровский С.М. Сельское хозяйство и крестьянство России в период империализма. М.: Наука, 1973. 395 с.

Зиновьев, 2024 – Зиновьев В.П. Межэтническое разделение труда в Азиатской России по данным переписи 1897 г. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2024. 210 с.

Карих, 2004 – Карих Е.В. Межэтнические отношения в Западной Сибири в процессе ее хозяйственного освоения в XIX – начале XX века. Томск: изд-во Том. ун-та, 2004. 232 с.

Коровушкин, 2008 – Коровушкин Д.Г. Латыши и эстонцы в Западной Сибири: расселение и численность в конце XIX – начале XX века. Новосибирск, 2008. 248 с.

Крестьянские хозяйства..., 2009 – Крестьянские хозяйства Алтайской губернии в 1917 г. [Электронный ресурс]: база данных / Сост. В.Н. Разгон, Д.В. Колдаков, К.А. Пожарская. Электрон. дан. Барнаул: Алтайский государственный университет, 2009. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). № госрегистрации 2009620044.

Крестьянство..., 1983 – Крестьянство Сибири в эпоху капитализма / Редкол.: Л. М. Горюшкин (отв. ред.) и др. Новосибирск: Наука, Ленингр. отд-ние, 1983. 399 с.

Кригер, 1990 – Кригер В.Э. Особенности социально-культурного и экономического развития немецкого населения Азиатской России (дореволюционный период) // Теория и практика национальной политики Алтая и России. Сб. тез. краевой научно-практ. конф. Барнаул, 1990. С. 21-25.

Крих, Мулина, 2020 – Крих А.А., Мулина С.А. Хозяйственная жизнь польских переселенцев в Сибири в конце XIX – начале XX в.: стратегии успеха // *Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки*. 2020. Т. 7. № 1(25). С. 28-37. DOI: 10.24147/2312-1300.2020.7(1).28-37

Липин, 1999 – Липин А.М. Украинские переселенцы в Западной Сибири: районы выхода (вторая половина XIX – начало XX в.) // *Известия Алтайского государственного университета*. 1999. № 4(14). С. 24-29.

Липинская, 1996 – Липинская В.А. Старожилы и переселенцы. Русские на Алтае. XVIII – начало XX века. М.: Наука, 1996. 296 с.

Лоткин, 2009 – Лоткин И.В. Проблемы формирования поселений прибалтийских народов в Сибири в XIX – начале XX в. // *Известия Алтайского государственного университета. Серия: История, Политология*. 2009. № 4/2 (64/2). С. 118-125.

Малиновский, 1980 – Малиновский Л.В. К характеристике некоторых групп переселенцев в Сибирь конца XIX – начала XX вв. // *Известия СО АН СССР. Серия общ. наук*. 1980. Вып. 1. № 1. С. 98-104.

Масяж, 2002 – Масяж В. Миграция польских крестьян в Сибирь в конце XIX – начале XX века // *Сибирь в истории и культуре польского народа*. М.: Ладомир, 2002. С. 241-254.

Овчарова, 2010 – Овчарова М.А. Мордва Алтая: история и этнокультурные процессы (XIX – начало XXI в.). Новосибирск: изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. 228 с.

Октябрьская и др., 2015 – Октябрьская И.В., Крикау Л.В., Антропов Е.В. «Мы украинцы, хотя пишемся русские...»: этнические процессы в среде украинцев степной зоны Западной Сибири XX – начала XXI в. // *Проблемы истории, филологии, культуры*. 2015. Вып. 4 (50). С. 221-227.

Октябрьская, 2019 – Октябрьская И.В. Казахи Алтая. Очерки истории и культуры. Новосибирск, 2019. 200 с.

Островский, 2016 – Островский Л.К. Поляки в Западной Сибири в конце XIX – первой четверти XX века. Новосибирск: НГАСУ (Сибстрин), 2016. 808 с.

Разгон и др., 2013 – Разгон В.Н., Храмков А.А., Пожарская К.А. Столыпинские мигранты в Алтайском округе: переселение, землеобеспечение, хозяйственная и социокультурная адаптация. Барнаул: Азбука, 2013. 347 с.

Силина, 2004 – Силина И.Г. Динамика и интенсивность миграционных процессов во второй половине XIX – начале XX вв. на территории Алтайского округа // *Алтайская деревня во второй половине XIX – начале XX в.: сб. науч. статей*. Вып. 2. Барнаул, 2004. С. 3–11.

Сорокин, 2011 – Сорокин П. Современные зыряне // *Наследство*. 2011. № 1. С. 60-96.

Чернова, 2014 – Чернова И.В. Хозяйство польских переселенцев в сибирской деревне (на примере с. Минск-Дворянское Тарского района Омской области) / *Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития: материалы X Междунар. науч.-практ. конф.* Омск: Изд-во ОмГАУ, 2014. Ч. 3. С. 132-136.

Шайдуров, 2002 – Шайдуров В.Н. Российские немцы на Алтае (по материалам Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г.) / *Демографическое и хозяйственное развитие алтайской деревни во второй половине XIX – начале XX в. (на материалах массовых источников): сб. ст.* Барнаул, 2002. С. 62-100.

Шайдуров, 2008 – Шайдуров В.Н. Немецкая община Западной Сибири (вторая половина XVIII – начало XX вв.) // *Новый исторический вестник*. 2008. № 17. С. 50–63.

Шайдуров, 2017 – Шайдуров В.Н. Особенности экономической жизни украинских крестьян в Западной Сибири в конце XIX – начале XX в. // *История повседневности*. 2017. № 1. С. 9-22.

Шелегина, 2001–2002 – Шелегина О.Н. Адаптация русского населения в условиях освоения территории Сибири (Историко-этнографические аспекты. XVII–XX вв.). М.: Логос, 2001–2002. Вып. 1–2. 183 с.; 158 с.

Deutsche..., 1997 – Deutsche Geschichte im Osten Europas. Russland. Berlin: Siedler, 1997. 669 s.

Leończyk, 2017 – Leończyk S. Polskie osadnictwo wiejskie na Syberii w drugiej połowie XIX i na pocz^tku XX wieku. Warszawa, 2017. 323 s.

Razgon et al., 2023 – Razgon V.N., Belyanin D.N., Razgon A.V. Demographic Structure of the Households of the Stolypin Reforms Settlers in the Altai Okrug: Gender and Age Composition (on the Materials of the 1917 All-Russian Agricultural Census) // *Bylye Gody*. 2023. 18(1): 485-493.

Shaidurov, 2016 – Shaidurov V.N. The Ukrainian community of Western Siberia: specific features of formation and development in the 2nd half of the 19th – early 20th century // *Bylye Gody*. 2016. 39 (1): 109-119.

References

Barantseva, 2008 – Barantseva, N.A. (2008). Etnosotsial'nye protsessy sredi estonskogo naseleniya yuga Srednei Sibiri vo vtoroi polovine XIX – pervoi treti XX v. [Ethnosocial processes among the Estonian population of the south of Central Siberia in the second half of the 19th – first third of the 20th centuries]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury*. 22: 514-524. [in Russian]

Bodrunov, 2017 – Bodrunov, S.D. (2017). Velikaya russkaya revolyutsiya 1905–1917 godov: uroki dlya sovremennoi Rossii [The Great Russian revolution of 1905–1917: lessons for modern Russia]. *Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestvo Rossii*. 204 (2): 192-202. [in Russian]

Chernova, 2014 – Chernova, I.V. (2014). Khozyaistvo pol'skikh pereselentsev v sibirskoi derevne (na primere s. Minsk-Dvoryanskoe Tarskogo raiona Omskoi oblasti) [Household of Polish settlers in a Siberian village (using the example of the village of Minsk-Dvoryanskoye, Tarsky district, Omsk region)]. *Sibirskaya derevnya: istoriya, sovremennoe sostoyanie, perspektivy razvitiya: materialy X Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* Omsk: Izd-vo OmGAU. Ch. 3. Pp. 132-136. [in Russian]

Deutsche..., 1997 – Deutsche Geschichte im Osten Europas. Russland [German History in Eastern Europe. Russia]. Berlin: Siedler. 669 p.

Dubrovskii, 1973 – Dubrovskii, S.M. (1973). Sel'skoe khozyaistvo i krest'yanstvo Rossii v period imperializma [Agriculture and the peasantry of Russia in the period of imperialism]. Moskva: Nauka. 395 p. [in Russian]

Karikh, 2004 – Karikh, E.V. (2004). Mezhetnicheskie otnosheniya v Zapadnoi Sibiri v protsesse ee khozyaistvennogo osvoeniya v XIX – nachale XX veka [Interethnic relations in Western Siberia in the process of its economic development in the 19th – early 20th centuries]. Tomsk: izd-vo Tom. un-ta, 232 p. [in Russian]

Korovushkin, 2008 – Korovushkin, D.G. (2008). Latyshi i estontsy v Zapadnoi Sibiri: rasselenie i chislennost' v kontse XIX – nachale XX veka [Latvians and Estonians in Western Siberia: settlement and numbers at the end of the 19th – beginning of the 20th centuries]. Novosibirsk. 248 p. [in Russian]

Krest'yanskije hozyajstva..., 2009 – Krest'yanskije hozyajstva Altajskoj gubernii v 1917 g. [Peasant farms in the Altai province in 1917]. Sost. V.N. Razgon, D.V. Koldakov, K.A. Pozharskaya. Elektron. dan. Barnaul: Altaiskii gosudarstvennyi universitet, 2009. 1 elektron. opt. disk (CD-ROM). № gosregistratsii 2009620044. [in Russian]

Krest'yanstvo..., 1983 – Krest'yanstvo Sibiri v epokhu kapitalizma [The peasantry of Siberia in the era of capitalism]. Novosibirsk: Nauka. 399 p. [in Russian]

Krikh, Mulina, 2020 – *Krikh, A.A., Mulina S.A. (2020). Khozyaistvennaya zhizn' pol'skikh pereselentsev v Sibiri v kontse XIX – nachale XX v.: strategii uspekha [Economic life of Polish settlers in Siberia in the late 19th – early 20th centuries: strategies for success]. Vestnik Omskogo universiteta. Seriya Istoricheskie nauki. T. 7. № 1(25): 28-37. DOI: 10.24147/2312-1300.2020.7(1).28-37. [in Russian]*

Leończyk, 2017 – *Leończyk, S. (2017). Polskie osadnictwo wiejskie na Syberii w drugiej potowie XIX i na pocz^tku XX wieku [Polish rural settlement in Siberia in the second half of the 19th – early 20th centuries]. Varshava. 323 p. [in Polish]*

Lipin, 1999 – *Lipin, A.M. (1999). Ukrainskie pereselentsy v Zapadnoi Sibiri: raiony vykhoda (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) [Ukrainian settlers in Western Siberia: areas of outcome (second half of the 19th – early 20th century)]. Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta. 4(14): 24-29. [in Russian]*

Lipinskaya, 1996 – *Lipinskaya, V.A. (1996). Starozhily i pereselentsy. Russkie na Altae. XVIII – nachalo XX veka. [Old-timers and settlers. Russians in Altai. 18th – early 20th century]. M.: Nauka. 296 p. [in Russian]*

Lotkin, 2009 – *Lotkin, I.V. (2009). Problemy formirovaniya poselenii pribaltiiskikh narodov v Sibiri v XIX – nachale XX v. [Problems of formation of settlements of the Baltic peoples in Siberia in the 19th – early 20th centuries]. Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, Politologiya. 4/2 (64/2): 118-125. [in Russian]*

Malinovskii, 1980 – *Malinovskii, L.V. (1980). K kharakteristike nekotorykh grupp pereselentsev v Sibir' kontsa XIX – nachala XX vv. [On the characteristics of some groups of settlers in Siberia at the end of the 19th – beginning of the 20th centuries]. Izvestiya SO AN SSSR. Seriya obshchestvennykh nauk. 1(1): 98-104. [in Russian]*

Masyazh, 2002 – *Masyazh, V. (2002). Migratsiya pol'skikh krest'yan v Sibir' v kontse XIX – nachale XX veka [Migration of Polish peasants to Siberia in the late 19th – early 20th centuries]. Sibir' v istorii i kul'ture pol'skogo naroda. M.: Ladomir. Pp. 241-254. [in Russian]*

Oktyabr'skaya i dr., 2015 – *Oktyabr'skaya, I.V., Krikau, L.V., Antropov, E.V. (2015). «My ukrainsy, khotya pishemsya russkie...»: etnicheskie protsessy v srede ukraintsev stepnoi zony Zapadnoi Sibiri XX – nachala XXI v. [«We are Ukrainians, although it is written Russians...»: ethnic processes among Ukrainians in the steppe zone of Western Siberia in the 20th – early 21st centuries]. Problemy istorii, filologii, kul'tury. 4(50): 221-227. [in Russian]*

Oktyabr'skaya, 2019 – *Oktyabr'skaya, I.V. (2019). Kazakhi Altaya. Ocherki istorii i kul'tury [Kazakhs of Altai. Essays on history and culture]. Novosibirsk. 200 p. [in Russian]*

Ostrovskii, 2016 – *Ostrovskii, L.K. (2016). Polyaki v Zapadnoi Sibiri v kontse XIX – pervoi chetverti XX veka [Poles in Western Siberia in the late 19th – first quarter of the 20th century]. Novosibirsk: NGASU (Sibstrin). 808 p. [in Russian]*

Ovcharova, 2010 – *Ovcharova, M.A. (2010). Mordva Altaya: istoriya i etnokul'turnye protsessy (XIX – nachalo XXI v.) [Mordvins of Altai: history and ethnocultural processes (19th – early 21st centuries)]. Novosibirsk: izd-vo IAET SO RAN. 228 p. [in Russian]*

Razgon et al., 2013 – *Razgon, V.N., Khramkov, A.A., Pozharskaya, K.A. (2013). Stolypinskie migranty v Altaiskom okruge: reseselenie, zemleobespechenie, khozyaistvennaya i sotsiokul'turnaya adaptatsiya [Stolypin migrants in the Altai region: resettlement, land provision, economic and socio-cultural adaptation]. Barnaul: Azbuka. 348 p. [in Russian]*

Razgon et al., 2023 – *Razgon, V.N., Belyanin, D.N., Razgon, A.V. (2023). Demographic Structure of the Households of the Stolypin Reforms Settlers in the Altai Okrug: Gender and Age Composition (on the Materials of the 1917 All-Russian Agricultural Census). Bylye Gody. 18(1): 485-493. DOI: 10.13187/bg.2023.1.485*

Shaidurov, 2002 – *Shaidurov, V.N. (2002). Rossiiskie nemtsy na Altae (po materialam Vserossiiskoi sel'skokhozyaistvennoi i pozemel'noi perepisi 1917 g.) [Russian Germans in Altai (based on the materials of the All-Russian Agricultural and Land Census of 1917)]. Demograficheskoe i khozyaistvennoe razvitie altaiskoi derevni vo utoroj polovine XIX – nachale XX v. (na materialakh massovykh istochnikov). Barnaul: Azbuka. Pp. 62-100. [in Russian]*

Shaidurov, 2008 – *Shaidurov, V.N. (2008). Nemetskaya obshchina Zapadnoi Sibiri (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.) [German community of Western Siberia (second half of the 19th – early 20th centuries)]. Novyi istoricheskii vestnik. 17: 50-63. [in Russian]*

Shaidurov, 2017 – *Shaidurov, V.N. (2017). Osobennosti ekonomicheskoi zhizni ukrainskikh krest'yan v Zapadnoi Sibiri v kontse XIX – nachale XX v. [Specifics of the economic life of Ukrainian peasants in Western Siberia in the XIX – early XX centuries]. Istoriya povsednevnosti. 1: 9-22. [in Russian]*

Shaidurov, 2016 – *Shaidurov, V.N.* (2016). The Ukrainian community of Western Siberia: specific features of formation and development in the 2nd half of the 19th – early 20th century. *Bylye Gody*. 39(1): 109-119.

Shelegina, 2001–2002 – *Shelegina, O.N.* (2001–2002). Adaptatsiya russkogo naseleniya v usloviyakh osvoeniya territorii Sibiri (Istoriko-etnograficheskie aspekty. XVII–XX vv.) [Adaptation of the Russian population in the context of the development of the territory of Siberia (Historical and ethnographic aspects. XVII–XX centuries)]. Moskva: Logos. Vyp. 1–2. 183 p; 158 p. [in Russian]

Silina, 2004 – *Silina, I.G.* (2004). Dinamika i intensivnost' migratsionnykh protsessov vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv. na territorii Altaiskogo okruga [Dynamics and intensity of migration processes in the second half of the 19th – early 20th centuries in the Altai District]. *Altaiskaya derevnya vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v.: sbornik nauchnykh statei*. Vyp. 2. Barnaul: Azbuka. Pp. 3-11. [in Russian]

Sorokin, 2011 – *Sorokin, P.* (2011). Sovremennye zyryane [Modern Zyryans]. *Nasledstvo*. 1: 60-96. [in Russian]

Vibe, 2007 – *Vibe, P.P.* (2007). Nemetskie kolonii v Sibiri: sotsial'no-ekonomicheskii aspekt [German colonies in Siberia: socio-economic aspect]. Omsk: Izd-vo OmGPU, 368 p. [in Russian]

Zinov'ev, 2024 – *Zinov'ev, V.P.* (2024). Mezhetnicheskoe razdelenie truda v Aziatskoi Rossii po dannym perepisi 1897 g. [Interethnic division of labor in Asian Russia according to the 1897 census]. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 210 p. [in Russian]

Этнические группы крестьян-переселенцев в Алтайском округе (по материалам Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г.)

Виктор Николаевич Разгон ^{a, *}, Дмитрий Николаевич Белянин ^b, Антон Викторович Разгон ^c

^a Алтайский государственный университет, Барнаул, Российская Федерация

^b Кузбасский государственный технический университет им. Т.Ф. Горбачева, Кемерово, Российская Федерация

^c Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Аннотация. В статье характеризуются изменения в этническом составе крестьян-мигрантов в Алтайском округе, происходившие на протяжении второй половины XIX – начала XX века, и определяется, на основе анализа данных Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г., специфика демографической, хозяйственной и социальной адаптации переселенцев различной национальной принадлежности. Установлено, что демографическая структура переселенческих домохозяйств определялась различиями в культурно-семейных традициях мигрантов разных этнических групп и потребностями хозяйственной адаптации на новом месте жительства. Выбор форм землепользования, отраслевая специализация и масштабы производства, уровень обеспеченности рабочим скотом и оснащенности сельскохозяйственным инвентарем, характер социального расслоения переселенческих домохозяйств во многом определялись национальными экономическими традициями и хозяйственным опытом, приобретенным на прежнем месте жительства. Наибольшие успехи в хозяйственной адаптации демонстрировали немцы-переселенцы из губерний Новороссии, имевшие предшествующий опыт ведения хозяйства на крупных земельных участках. По уровню грамотности, характеризующему один из аспектов социокультурной адаптации, взрослые переселенцы всех национальностей, кроме мордвы, превосходили старожилов, а более высоким уровнем охвата школьным обучением отличались дети переселенцев тех этнических групп, которые характеризовались повышенным уровнем грамотности взрослого населения.

Ключевые слова: национальность, этнический состав, переселенцы, миграция, крестьянство, сельское хозяйство, сельскохозяйственная перепись, Сибирь, Алтайский округ.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: vrazgon@rambler.ru (В.Н. Разгон)